Кайо Брендель

КРОНШТАДТ - ПРОЛЕТАРСКИЙ ОТПРЫСК РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Истолкование исторического события, которое вошло в историю (или упорно изгоняется из нее) как "кронштадтское восстание 1921 г.", теснейшим образом связано с общественной позицией автора, иными словами, оно обусловлено и определяется его позицией в идущей в обществе классовой борьбе.

Тот, кто рассматривает российскую революцию 1917 г. как социалистическое преобразование, кто считает укрепившееся в годы гражданской войны большевистское господство пролетарской властью, тот, естественно, должен воспринимать то, что произошло тогда на островной крепости в Финском заливе как контрреволюционную попытку свергнуть молодое "рабочее государство". Тот, кто, напротив, видит именно в выступлении кронштадтцев революционный акт, придет рано или поздно к совершенно противоположным взглядам на российское развитие и на действительное положение в России.

Все это кажется естественным. Более того. Большевизм - это не только форма экономики и государства, существование которой тогда - не только в Кронштадте, но и в Петрограде, на Украине и во многих частях Южной России - оказалось под угрозой. Это одновременно и организационная форма, вызревшая в российских революционных боях, приспособленная к российским условиям. После октябрьской победы большевиков она навязывалась и навязывается с разных политических сторон рабочим всех стран.

Когда население Кронштадта поднялось против большевиков, оно решительно отвергло не только большевистские притязания на власть, но и поставило под вопрос традиционный большевистский взгляд на партию и партию как таковую. В этом причина того, почему любой спор об организационных проблемах рабочего класса так часто включает в себя дискуссию о Кронштадте и почему любая дискуссия о Кронштадте неизбежно обнажает разногласия о тактике и организационных вопросах пролетарской классовой борьбы. Это значит, что кронштадтское восстание и через полвека не утратило жгучей актуальности. Каким бы колоссальным ни было его историческое значение, его практическое значение для нынешних поколений рабочих , для всех, участвующих в пролетарской борьбе, куда больше.

Одним из тех, кто не понял этого значения, был Лев Троцкий. Когда в 1938 г. он опубликовал статью "Много шума из-за Кронштадта", он вздыхал: "Можно подумать, кронштадтское восстание произошло не 17 лет назад, а только вчера". Как раз тогда, когда он писал эти слова, Лев Троцкий ежедневно, ежечасно пытался всеми силами разоблачать сталинистские фальсификации истории и сталинистские легенды. То, что он при этом ни разу не преступил границ ленинской легенды о революции, мы здесь оставим в стороне.

Кронштадтское восстание разрушило социальный миф - миф о том, что в большевистском государстве власть находится в руках рабочих. Поскольку этот миф был (и все еще остается) неразрывно связан со всей большевистской идеологией, поскольку в Кронштадте было положено скромное начало осуществлению подлинной рабочей демократии, Кронштадт представлял собой смертельную угрозу для находившихся у власти большевиков. Не военная мощь Кронштадта (тем более ослабленная к моменту восстания замерзанием залива), а демифологизирующее воздействие восстания угрожало большевистскому господству, причем сильнее, чем ему угрожали армии интервентов, Деникина, Колчака, Юденича или Врангеля.

Поэтому большевистские вожди, с их точки зрения, точнее, вследствие их общественной позиции (которая, конечно же, обусловливала их точку зрения), были просто вынуждены без промедления подавить кронштадтское восстание. В то время, как восставших, как им и угрожал Троцкий, "расстреливали как куропаток", большевистское руководство в прессе характеризовало Кронштадтское восстание как контрреволюцию. С тех пор этот обман усердно распространяется и упорно поддерживается в равной мере как троцкистами, так и сталинистами.

То обстоятельство, что в некоторых меньшевистских и белогвардейских кругах Кронштадт встретил открытую симпатию, укрепляло троцкистскую и сталинистскую версию. Более убогое обоснование официальной легенды трудно себе представить. Разве не сам Троцкий в своей "Истории русской революции" с полным основанием уничижительно отзывался о политических познаниях и общественном понимании симпатизировавшего Кронштадту реакционера профессора Милюкова? Только потому что Милюков и белогвардейская пресса выразили симпатию Кронштадту, только на этом основании восстание было контрреволюционным? А как тогда, в соответствии с этими представлениями, следует оценивать НЭП, которая была введена в России вскоре после Кронштадта? Ведь ее открыто благословил буржуа Устрялов. Но это же не заставило большевиков назвать НЭП "контрреволюционной". Этот факт также симптоматичен для демагогического создания легенды.

Но отвлечемся от этой легенды. Она, конечно, интересна, уже хотя бы из-за ее социальной функции, но понять ее можно только исходя из действительного хода событий, из действительного процесса общественного развития и социального характера преобразований в России.

Кронштадтское восстание 1921 г. образует драматический пик революции, которая по своему социальному характеру на скорую руку должна быть охарактеризована как буржуазная. Оно было пролетарским отпрыском этой буржуазной революции, точно так же, как при почти сходных обстоятельствах майские события 1937 г. в Каталонии являются пролетарским отпрыском испанской революции (? - прим. ред.) или как в 1796 г. заговор Бабефа представлял собой пролетарскую тенденцию в Великой французской буржуазной революции. То, что все три закончились поражением, имеет одну и ту же причину - каждый раз условия и предпосылки для победы пролетариата отсутствовали.

Царская Россия приняла участие в первой мировой войне как отсталая страна. Исходя из военно-политических потребностей, она подталкивала индустриализацию и тем самым сделала первые шаги на капиталистическом пути, но возникший в связи с этим пролетариат был количественно маленьким по сравнению с гигантской массой российских крестьян. Конечно, политический климат царского абсолютизма чрезвычайно способствовал росту боевого духа российских рабочих. Это позволило им наложить определенный отпечаток на созревавшую революцию, но не смогло решающим образом определить ее ход.

Несмотря на существование Путиловского завода, нефтепромыслов Кавказа, шахт Донбасса и московских текстильных фабрик, главной экономической основой российского общества оставалось сельское хозяйство. Хотя в 1861 г. было проведено своего рода освобождение крестьян, остатки крепостничества далеко не исчезли. Производственные отношения были феодальными, соответствующим была и политическая надстройка; господствующими классами являлись дворянство и

духовенство, которые с помощью армии, полиции и чиновничества осуществляли свою власть в огромной помещичьей империи.

Соответственно этому российская революция 20 века имела экономическую задачу ликвидировать феодализм со всеми его следствиями, в роде крепостничества. Она должна была индустриализировать сельское хозяйство и поставить его в условия современного товарного производства, она должна была разбить все феодальные цепи, сковывающие существовавшую промышленность.

Политически революция имела задачу разбить государственный абсолютизм, ликвидировать привилегии феодального дворянства и развить форму правления и государственную машину, которая бы политически гарантировала решение экономических задач революции. Ясно, что эти экономические и политические задачи совпадают с теми, которые на Западе были решены революциями 17, 18 и 19 веков. Однако российская революция - как позднее и китайская - характеризовалась особым своеобразием. В Западной Европе, прежде всего, во Франции, буржуазия была носителем общественного прогресса, передовым борцом переворота. На Востоке она, по упомянутым причинам, оставалась слабой. К тому же ее интересы были слишком тесно связаны с интересами царизма. Это означает, что буржуазная революция в России должна была совершиться без буржуазии и даже против нее.

Ленин очень точно понял своеобразие российской революции. "Марксисты безусловно убеждены в буржуазном характере русской революции." - писал он. - "Что это значит? Это значит, что те демократические преобразования в политическом строе и те социально-экономические преобразования, которые стали для России необходимостью, - сами по себе не только не означают подрыва капитализма, подрыва господства буржуазии, а наоборот, они впервые очистят почву настоящим образом для широкого и быстрого... развития капитализма...". В другом месте он писал: "Победа буржуазной революции у нас невозможна как победа буржуазии. Это кажется парадоксальным, но это так. Преобладание крестьянского населения, его чудовищное угнетение полуфеодальным помещичьем землевладением, сила и сознание уже организованного в социалистическую партию пролетариата, все эти обстоятельства придают нашей буржуазной революции особый характер. Эта особенность не отменяет буржуазного характера революции".

К этому мы должны добавить одно замечание. Партия, о которой говорит здесь Ленин, не была социалистической и не могла утверждать, что в ней организовался пролетариат. Это правда, что она во-многом отличалась от социал-демократических партий Запада, которые были лояльной оппозицией на почве буржуазного парламентаризма и всеми средствами пытались предотвратить преобразование капиталистического общества в социалистическое - но отличалась не в социалистическом смысле.

Партия Ленина стремилась в России к революционному изменению отношений, но речь здесь шла о революции, которая, как признавал сам Ленин, в иной форме уже давно произошла на Западе.

Этот факт оказал влияние на российскую социал-демократию вообще и на большевистскую партию в особенности.

Ленин и большевики придерживались мнения, что в силу классовой структуры в России их партии выпала роль якобинцев. Не без оснований характеризовал Ленин социал-демократов как "связанных с массами якобинцев"; не без оснований он создал свою

партию как комитет профессиональных революционеров; не без оснований видел он ее задачу в "Что делать?" в борьбе со стихийностью.

Когда Роза Люксембург в начале века критиковала эти взгляды, она была одновременно права и неправа. Права в том, что ленинистская заговорщическая организация не имела ничего общего с естественными (то есть выросшими из классового противоречия, предполагающего существование капиталистических отношений) организационными формами борющихся рабочих. Но она не увидела - а тогда и не могла увидеть -, что подобная борьба пролетариев в современном смысле существовала в России в очень небольших масштабах, или ее не было совсем.

В России, где ликвидация капиталистических отношений и наемного труда не стояла на повестке дня, речь шла о совсем другой борьбе. Для этой борьбы большевистская партия была как раз наиболее пригодна. Она лучше всего соответствовала потребностям предстоявшей революции. То, что организационная форма этой партии - так называемый демократический централизм - кончится неизбежно диктатурой Центра над массой ее членов, как и предсказывала Роза Люксембург, полностью подтвердилось; именно это и требовалось в "буржуазной революции, имеющей особый характер".

Большевистская партия почерпнула свой духовный арсенал у марксизма - единственной радикальной теории, к которой она могла в то время привязаться. Но марксизм был теоретическим выражением высокоразвитой классовой борьбы, которой Россия тогда не знала и которую в России тогда понять не могли. Так и произошло, что то, что развилось на русской почве под именем "марксизма", имело с марксизмом общее только по названию, а в действительности было, например, куда ближе якобинскому радикализму Огюста Бланки, нежели взглядам Маркса и Энгельса.

Общим с Бланки был у Ленина (и у Плеханова) далекий от диалектического материализма естественно-научный материализм, который был перед великой, классической революцией во Франции главным оружием против дворянства и религии. В России царили те же отношения, что и в добуржуазной Франции.

Марксизм, как его понимал и должен был понимать Ленин, позволял ему глубоко видеть существенные проблемы российской революции. Но тот же марксизм наделил российскую большевистскую партию понятийным аппаратом, который находился в самом резком противоречии как с ее задачами, так и с ее практикой. Это означает, как откровенно признался Преображенский в 1925 г. на московской губернской партконференции, что марксизм в России стал идеологией.

Революционная практика российского рабочего класса - поскольку она была - разумеется, совершенно не совпадала с практикой большевистской партии, выражавшей интересы буржуазной российской революции как целого. Когда российские рабочие поднялись в 1917 г., они, в соответствии со своей классовой природой, далеко вышли за пределы буржуазных преобразований; они пытались сами определять свою судьбу и осуществлять свою волю в качестве производителей с помощью своих Советов.

Партия, которая "всегда права" и должна указывать рабочему классу дорогу, которую он, как утверждают ее вожди, без нее не найдет, побрела за ним. Она была вынуждена признать Советы и существование широкого слоя крестьянства. И то и другое не соответствовало ее доктрине, которая была результатом всех революционных условий. Ни для одной, ни для другой революционной практики в России в длительной перспективе не было материальных предпосылок и социальной базы.

Получилось следующее. Капитализм (едва развившийся) не был свергнут, сохранился наемный труд, о котором Маркс говорил, что он предполагает существование капитала, равно как и, наоборот, капитал предполагает наемный труд. Распоряжение средствами производства попало в руки не российских рабочих, а партии (или государства). Соответственно российский рабочий остался производителем прибавочной стоимости. То, что прибавочная стоимость шла не классу частных капиталистов, а государству либо правящим государством партийным инстанциям, означало, что экономическое развитие России шло вследствии отсутствия класса буржуазии другими путями, нежели на Западе, но ничего не меняло в положении российского рабочего как объекта эксплуатации и наемного раба.

О власти рабочего класса не может быть и речи. Царское государство было разбито, но на ее место не встала власть Советов. Стихийно созданные рабочими России Советы были лишены власти большевистским правительством так скоро, как только это было возможно, в начале лета 1918 г., и обречены на полную незначительность. Экономической основой страны вместо прежнего крепостничества и полуфеодальной зависимости стало экономическое рабство, о котором Троцкий в 1917 г. писал, что оно "несовместимо с политическим господством пролетариата".

Этот тезис был верен. Большевики, без всякого основания выдававшие свое господство за господство рабочего класса, применяли политическое господство якобы для того, чтобы ликвидировать угнетение российских пролетариев. Но вследствии отсутствия действительно рабочей власти политическое господство стало инструментом не освобождения, а угнетения. В России между началом Февральской революции и насильственным подавлением кронштадтского восстания и введением НЭПа существовало положение, подобное тому, которое сложилось после Февральской революции 1848 г. во Франции. Маркс писал о нем: "Во Франции мелкий буржуа делает то, что обычно должен делать промышленный буржуа; рабочий делает то, что обычно было бы задачей мелкого буржуа. А задачи рабочего, кто решит их? Ее во Франции не решают, ее во Франции только провозглашают". В России ее провозглашают и дальше. Но с Кронштадтским восстанием революционный процесс - в котором Октябрь был только этапом - заканчивается. Кронштадтское восстание является тем моментом, когда маятник качнулся наиболее далеко влево.

За четыре предшествовавших судьбоносных года вскрылось глубочайшее противоречие между большевистской партией, большевистской правительственной властью, с одной стороны, и российским рабочим классом, с другой. Это становилось тем яснее, чем более ясным становилось противоречие между этим правительством и крестьянами. Здесь мы можем оставить его в стороне. Мы подчеркиваем эту проблему лишь потому, что этим двойным противоречием, к которому следует прибавить еще и противоречие между рабочими и крестьянами (его маскировали под одеждой "смычки", то есть их взаимного "классового союза") объяснялась необходимость партийной диктатуры.

В этот отрезок времени между началом революции и событиями 1921 г. российский рабочий класс вел непрерывную борьбу. В 1917 г. она продвинулась куда дальше, чем хотели бы большевики. Между мартом и концом сентября состоялись 365 стачек, 38 захватов предприятий, 111 смещений заводской администрации. Большевистский лозунг "рабочего контроля" в такой ситуации был обречен на провал. Рабочие сами экспроприировали средства производства, пока декрет о рабочем контроле от 14 ноября 1917 г. (то есть всего лишь через неделю после захвата власти большевиками) не затормозил этот процесс. После мая 1918 г. "национализация" могла проводиться только

ВСНХ. Незадолго до этого, в апреле 1918 г. было восстановлено единоначалие фабричных директоров, им больше не надо было отчитываться перед трудовыми коллективами.

В январе 1918 г. были ликвидированы фабзавкомы. После преодоления так называемого военного коммунизма стали заметны экономические законы товарного общества. Ленин вздыхал: "Руль ускользает из рук... Вагон идет не так, часто совсем не так, как представляет себе сидящий у руля". Российская профсоюзная газета сообщает, что в 1921 г. было 477 стачек со 184 тысячами участников. Несколько других цифр: в 1922 г. - 505 стачек со 154 тысячами участников, в 1924 г. - 267 стачек, в том числе 151 на государственных предприятиях, в 1925 г. - 199 стачек, в том числе 99 на госпредприятиях.

Цифры свидетельствуют о медленном спаде активности. Движение достигает своего апогея в 1921 г., в период Кронштадтского восстания. 24 февраля забастовали петроградские рабочие. Они требовали свободы для всех трудящихся, отмены всех чрезвычайных декретов, свободных выборов в Советы. Это те же самые требования, которые через несколько дней были выдвинуты в Кронштадте. Страну охватило всеобщее волнение. На рубеже 1920-1921 гг. большевистская Россия оказалась ареной глубокого конфликта. Из него непосредственно вышла "рабочая оппозиция", руководимая двумя бывшими рабочими-металлистами. Она требовала отделения большевистской партии, ликвидации партийной диктатуры ее замены самоуправлением производящих масс. Иными словами, она требовала демократии Советов и коммунизма.

Общее положение в России хорошо характеризовал немного позднее документ из Кронштадта: "С помощью определенной пропаганды сыны трудового народа были вовлечены в ряды партии и там скованы цепями строгой дисциплины. Когда затем коммунисты почувствовали себя достаточно сильными, они сперва шаг за шагом исключили социалистов других направлений, и наконец они оттеснили рабочих и крестьян от штурвала государственного корабля, но одновременно продолжали править страной от их имени".

В феврале 1921 г. в Петрограде вспыхивают резкие протесты. По пригородам идут колонны пролетарских демонстрантов. Красная армия получает приказ разогнать их. Солдаты отказываются стрелять в рабочих. Появляется лозунг всеобщей стачки. 27 февраля она становится фактом. 28 февраля в Петроград вступают надежные, верные правительству части. Руководители стачки арестованы; рабочие загоняются на фабрики. Сопротивление сломлено. Но в тот же день матросы "Петропавловска" на рейде Кронштадта требуют свободных выборов в Советы и свободы печати и собраний - обратим внимание, для рабочих. К ним присоединяется команда "Севастополя". На следующий день 16 тысяч человек на портовой площади Кронштадта объявляют о своей солидарности с бастующими Петрограда.

Значение Кронштадтского восстания трудно переоценить. Оно пылает как факел. В своей газете восставшие писали: "За что мы боремся? Рабочий класс надеялся, что Октябрьская революция принесет ему освобождение. Результатом стало еще большее угнетение людей. Славный герб рабочего государства - серп и молот - большевистское правительство заменило штыком и решеткой, чтобы охранять спокойную и приятную жизнь комиссаров и чиновников". Все это значит, что в Кронштадте пробил тогда для большевистского правительства час истины, подобно тому, как июньское восстание французского пролетариата в 1848 г. было часом истины для радикальной французской республики. И тут и там морги пролетариата стали родильным домом для чисто капиталистического развития. Во Франции он вынудил тогда буржуазную республику выступить в своем подлинном обличье, как государство, чья цель - открытое увековечение господства

капитала. В Кронштадте матросы и рабочие также заставили большевистскую партию выступить в своем подлинном одеянии - как неприкрыто антирабочий институт, единственной целью которого было установление государственного капитализма. С подавлением восстания путь для него был открыт.

На улицах Парижа пролетарские надежды были потоплены в крови генералом Кавеньяком. Кронштадтское восстание было подавлено Львом Троцким. Он стал в марте 1921 г. Кавеньяком, Густавом Носке российской революции. Он, самый известный и авторитетный сторонник теории перманентной революции, помешал - так пожелала ирония истории - самой серьезной попытке с Октября 1917 г. сделать революцию перманентной.

Но такой ход событий был неизбежен. Для победы кронштадтцев не было никаких материальных предпосылок. Единственное, что им могло помочь - это та самая перманентность революции, о которой мы говорили. Кронштадтцы и сами это понимали. Поэтому они снова и снова посылали телеграммы своим товарищам по классу на российском материке, призывая их оказать посильную поддержку.

Кронштадтцы надеялись на "третью революцию" так же, как тысячи пролетариев в России надеялись на Кронштадт. Но то, что именовали "третьей революцией", было в тогдашней аграрной России, с ее сравнительно немногочисленным рабочим классом, с ее примитивным хозяйством не более, чем иллюзией. "В Кронштадте", - говорил Ленин тогда, когда еще только началось создание большевистской легенды о Кронштадте, - "не хотят белогвардейцев, не хотят нашей власти - но другой власти нет".

Ленин был прав в том смысле, что такой власти в тот момент действительно не было, по крайней мере, в России. Но ее возможность продемонстрировали и немецкие рабочие, и кронштадтцы. Они, а не большевики, показали своей коммуной, своим свободно избранным Советом образец пролетарской революции и рабочей власти.

Не надо заблуждаться насчет их боевого клича "Советы без коммунистов". "Коммунистами" они называли тех узурпаторов, которые и сейчас еще - без всяких оснований - так себя называют - большевистских поборников государственного капитализма, которые тогда только что подавили забастовку петроградских рабочих. Имя "коммунист" было в 1921 г. столь же ненавистно рабочим Кронштадта, как в 1953 г. восточно-германским, а в 1956 г. - венгерским рабочим. Но рабочие Кронштадта, как и они, следовали своим классовым интересам. Поэтому их пролетарские методы борьбы до сих пор важны для всех их товарищей по классу, которые - где бы то ни было - борются самостоятельно и по опыту знают, что их освобождение может быть только их собственным делом.

(1971)

NOTE. - Cajo Brendel, geboren 1915 in Den Haag (Niederlande). Nach dem Verlassen des Elternhauses schlaegt er sich abwechselnd als Arbeiter oder Arbeitsloser durch; Sympathien fuer den Trotzkismus. Schloss sich 1934 der hollaendischen raetekommunistischen Gruppe Internationaler Kommunisten (GIC) an. Von Anfang 1952 bis Ende 1954 einer der Redakteure der hollaendischen Zeitschrift Spartacus. Seit 1965 Mitherausgeber der Monatsschrift Daad en Gedachte. Wichtigste Veroeffentlichungen in deutscher Sprache: Lenin als Stratege der buergerlichen Revolution, in: Schwarze Protokolle, Nr. 4, Berlin 1973; Autonome

Klassenkaempfe in England 1945-1972, Berlin 1974; Henriette Roland Holst als Voluntaristin, Einfuehrung zu ihrer Broschuere Die revolutionaere Partei, Berlin 1972.

Andere Texte von Cajo Brendel koennen an der folgenden Adresse gelesen werden:

http://www.members.partisan.net/brendel/